

УДК 32.019.51, 316.772.5

КАК ВИРТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ВЛИЯЮТ НА ДИНАМИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В ОБЩЕСТВЕ?

Руденкин Дмитрий Васильевич

кандидат социологических наук

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

Руденкина Алёна Игоревна

аспирант

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Уральский институт управления, Екатеринбург

Аннотация. В работе проводится ревизия основных исследовательских наработок к осмыслению виртуальных социальных сетей как инструмента формирования и распространения политического протеста, сложившихся в современной социально-гуманитарной науке. Анализируя подходы, характерные современным европейским, американским, российским ученым, авторы приходят к выводу, что, несмотря на то, что тема виртуальных социальных сетей видится всем ученым важной, более или менее точного представления о специфике их влияния на политические протесты, пока нет. Авторы полагают, что основными методологическими проблемами в данном случае становятся неясность термина «виртуальная социальная сеть» и сложность его соотнесения с классическими определениями социальных сетей. Эти проблемы мешают однозначно понять, что именно представляют собой виртуальные социальные сети, а потому и нет возможности более или менее точно судить о характере их влияния на динамику политического протеста. В результате своей теоретико-методологической работы, авторы приходят к серии вопросов, ответы на которые, по их мнению, будут способствовать более глубокому пониманию сущности влияния виртуальных социальных сетей на динамику политического протеста в обществе.

Ключевые слова: виртуальная социальная сеть, социальная сеть, социально-гуманитарная наука, политический протест, общественное мнение, коммуникация.

HOW VIRTUAL SOCIAL NETWORK CAN INFLUENCE TO DYNAMICS OF POLITICAL PROTEST IN THE SOCIETY?

Rudinkin Dmitrii Vasil'evich

candidate of sociological science

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

Rudenkina Alyona Igorevna

post-graduate student

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Urals Institute of Administration, Yekaterinburg

Abstract. This paper deals with the problem of analysis of virtual social networks as a factor of political protest in modern social science. Analyzing the approaches of modern European, American, Russian scientists, authors conclude, that theme of virtual social networks seems really important to all scientists, but detailed conclusions about the nature of this phenomenon and about it's influence on the dynamics of political protest are very rare. Authors suppose that the main methodological problems in this area are lack of clarity of the term "virtual social network" and the complexity of correlation between this term and classical definitions of social networks. In the end of the paper authors formulate a series of questions, the answers to which, in their opinion, can help to find better understanding of the essence of virtual social networks and it's influence on the dynamics of political protest.

Key words: virtual social network, social network, social science, political protest, public opinion, communication.

Идея о том, что виртуальные социальные сети способны являться неким инструментом или даже катализатором нагнетания и распространения протестных политических настроений в обществе, в сегодняшней России стала едва ли не общепризнанной. Регулярные сообщения средств массовой информации, заявления лидеров общественного мне-

ния и общий информационный контент продуктов массовой культуры акцентируют внимание на том, что возрастающая интенсивность акций политического протеста в разных странах мира - это плод именно активного тиражирования виртуальных социальных сетей. Причем речь идет не просто об умозрительной констатации взаимосвязи между тиражированием виртуальных социальных сетей и динамикой протестных настроений. В контексте подобных рассуждений часто называют и вполне конкретные примеры проявления такой взаимосвязи: использование информации из виртуальных социальных сетей для обострения политической обстановки в Египте, Ливии, Сирии, Украине и других странах. Идея о неотъемлемой взаимосвязи между интенсивным использованием виртуальных социальных сетей и ростом политического протеста циркулирует в российском обществе все более интенсивно и если еще не стала общепризнанной, то скоро явно сможет на это претендовать.

Принципиально важно, что эта идея не просто прижилась в России на уровне общественного сознания, но и в значительной степени оказала влияние на вектор государственной политики. Еще недавно российские органы государственной власти воздерживались от какой бы то ни было регламентации виртуального пространства и придерживались порой даже более либеральных подходов к тиражированию информации, чем сложились во многих странах Европы и в США. Ныне же оправданность такого либерального подхода явно оказалась поставлена российскими властями под сомнение: это видно и по общей риторике некоторых высокопоставленных государственных чиновников, и по целой серии законодательных актов, тем или иным образом регламентирующих функционирование коммуникативных процессов в виртуальных социальных сетях, и по обновленной стратегии национальной безопасности РФ [1], в тексте которой манипулятивное распространение информации через Интернет прямо названо в качестве одной из главных угроз мирному развитию страны. То есть фактически мы сталкиваемся с ситуаци-

ей, когда информационная политика в российском государстве все более отчетливо начинает исходить из идеи, что виртуальные социальные сети могут становиться прямым катализатором политического протеста.

Однако кажущаяся простота мысли о том, что виртуальные социальные сети могут использоваться для нагнетания протестных политических настроений в обществе, весьма обманчива. Эта идея всего лишь констатирует, что виртуальные социальные сети и политические протесты могут быть каким-то образом взаимосвязаны, но при этом сам механизм такой взаимосвязи остается абсолютно не ясен. По всей видимости, именно в силу отсутствия более или менее точного понимания этого механизма появляется определенная непоследовательность и осторожность политики российского руководства по отношению к Интернету и виртуальным социальным сетям. Внедрение запретительных законодательных актов, прямо или косвенно регламентирующих функционирование виртуальных социальных сетей, сочетается с попытками использовать такие сети как один из механизмов коммуникации с населением (примером чему может служить вполне успешная практика гражданской экспертизы проекта закона о полиции и обилие «блогеров» среди государственных служащих высокого ранга). Так же непоследовательно пока выглядит и политика государства по закрытию отдельных сетевых ресурсов – сайтов, закрытых по решению суда, в России на данный момент немного, и поводы для претензий к ним чаще всего крайне разнообразны, что мешает выявить какой-то системный вектор в применении к ним дисциплинарных мер.

Возникло примечательное противоречие. С одной стороны, российские власти явно исходят из представления о том, что бесконтрольное распространение в обществе виртуальных социальных сетей и Интернета в целом способно приводить к нагнетанию политического протеста и дестабилизации политической системы, и ориентированы на относительно подробную регламентацию функционирования таких сетей. С

другой стороны, вектор и сущность подобной регламентации в более или менее ясном виде пока никем не определены, поэтому политика государства в этой сфере в основном противоречива и бессистемна. На наш взгляд, возникновение этого противоречия – закономерное явление, и оно связано отнюдь не с отсутствием здравого смысла или предметной компетентности у российских политических элит. Проблема заключается в том, что сам феномен виртуальных социальных сетей – новый для менеджмента и науки, и детальное понимание любых его специфических свойств принципиально усложнено. Соответственно, даже интуитивно понимая, что развитие политического протеста в обществе часто усиливается именно с помощью виртуальных социальных сетей, ученые и аналитики зачастую затрудняются однозначно сказать, как именно работает этот процесс. Даже поверхностная ревизия теоретико-методологических наработок, созданных в русле анализа виртуальных социальных сетей, позволяет говорить о целом ряде нерешенных концептуальных вопросов.

Европейская наука подошла к соответствующим тематикам в русле изучения традиционных для себя направлений и сосредоточилась на вопросе о том, как появление виртуальных социальных сетей может скорректировать уже известные представления о социальной реальности. Нарботки А. Барда и Я. Зодерквиста [2] сводятся к тому, что широкомасштабное внедрение сетевых связей в социальную реальность приводит к трансформации традиционных систем господства, так как дает возможность включения в политический процесс тем акторам, которые ранее были ее лишены. Исследования М. Кастельса [3] сводятся к рассмотрению виртуальных социальных сетей как инструмента работы и импульса развития для разнообразных социальных движений, ранее не участвовавших активно в социально-политических процессах, но теперь получающих возможность играть в них все более заметную роль. Акторно-сетевая теория Б. Латура [4] строится на допущении о фактическом

слиянии традиционных социальных связей с виртуальными социальными сетями. Таким образом, в целом европейское направление анализа в настоящий момент опирается на классический инструментарий социально-гуманитарной науки и фокусируется главным образом на вопросе о новациях, которые способны появиться в традиционных социальных связях при опоре на неизвестный ранее инструмент – виртуальные социальные сети. Итогом изысканий европейской науки в этом направлении стали как новые теоретические разработки, адекватно связанные с классической социальной теорией, так и построение новых концептуальных моделей социального поведения индивидов. Однако европейские исследования, несмотря на ряд вполне очевидных успешных разработок, пока остаются в основном умозрительными и нуждаются в последовательной эмпирической локализации.

Американским аналитикам оказался наиболее свойственен интерес к характерным чертам, которые отличают коммуникацию в виртуальных социальных сетях от иных типов социального взаимодействия. В работах американских ученых часто прослеживается имплицитная гипотеза, согласно которой виртуальная социальная сеть создает особый тип взаимодействия индивидов, не являющийся прямым продолжением традиционных связей и представляющий собой именно уникальную по своим характеристикам социальную реальность. Например, Л. Спроулл и С. Кайзлер [5] сфокусировали свое внимание на экспериментальном сравнении коммуникации индивидов в виртуальных социальных сетях и за их пределами. М. Зук [6], опираясь на междисциплинарный социолого-географический подход, выявляет особенности конструирования и презентации пространства коммуникации на базе виртуальных социальных сетей. Г. Рейнгольд [7] писал о переходе к информационно-коммуникативным технологиям, обозначая фундаментальные изменения в коммуникационном процессе: новые технологии позволят людям общаться по-новому и делать что-то новое вместе. Фактически амери-

канская наука, изначально имея скорее прагматические методологические установки и не опираясь систематически на классические социологические теории, сосредоточилась в основном на частном вопросе об особенностях коммуникации индивидов в виртуальных социальных сетях. Вместе с тем, хотя американская наука и констатировала существенные различия между коммуникацией индивидов в виртуальных социальных сетях и за их пределами, пока остались за рамками внимания вопросы о соотношении этих типов коммуникации между собой и об их способности перетекать друг в друга.

В российской науке соответствующие тематики начали рассматриваться позднее и на данный момент находятся в разработке относительно небольшого числа исследовательских коллективов. По всей видимости, это связано как с общим «догоняющим» характером российских общественных наук по отношению к иностранным научным школам, так и с тем, что Интернет в целом и виртуальные социальные сети в частности появились в стране позднее и пока получили меньшее распространение, чем в тех же США и Европе. Тем не менее, несмотря на пока относительно небольшой охват темы виртуальных социальных сетей российскими учеными, отечественная наука имеет ряд примечательных разработок в соответствующей области. Так, ряд исследований (А.С. Дужникова [8], И.Е. Штейнберг [9]) были посвящены анализу морфологии и внутренней динамики коммуникации в виртуальных социальных сетях российского общества. Ряд исследований (С.Г. Ушкин [10], К.В. Родин [11]) проводились и в области разработки математического аппарата, позволяющего автоматически выявлять и прогнозировать то или иное поведение индивидов в виртуальных социальных сетях. Учитывая все это, безусловной наработкой отечественной социально-гуманитарной науки стали сбор и обобщение многообразной информации о степени и динамике распространения таких сетей в российском обществе и практик их использования в ходе подготовке акций полити-

ческого протеста в 2010-2015 гг., а также разработка ряда перспективных аналитических методик. Одновременно с этим проявились относительная редкость полноценных обобщений эмпирических данных (которые зачастую собираются для сугубо описательных сообщений и гораздо реже становятся фундаментом теоретических выводов), а также некоторая эклектичность интереса российских ученых к соответствующим вопросам.

В целом современная социально-гуманитарная наука находится в состоянии интенсивной дискуссии относительно сущности виртуальных социальных сетей и их взаимосвязи с другими социальными феноменами. Интуитивно и гипотетически многие социологи признают, что коммуникация индивидов в виртуальных социальных сетях обладает неким особым характером и создает условия для более скоротечных социальных процессов (тем самым, по всей видимости, и влияя в том числе и на динамику политических протестов). Тем не менее, целостного и устоявшегося понимания природы такой коммуникации проследить не удастся. Соответственно, необходимо констатировать, что современная социально-гуманитарная наука едва ли обладает полноценными работами, способными лечь в основу понимания того, каков конкретный механизм влияния виртуальных социальных сетей на динамику политического протеста. Самое большее, что мы можем себе позволить - это констатировать наличие у многих ученых интереса к соответствующим вопросам и интуитивного понимания ими того факта, что виртуальные социальные сети как инструмент коммуникации обладают неким явным своеобразием. Более глубокие и системные выводы по данному вопросу пока, увы, остаются лишь предметом гипотез и дискуссий.

Избегая неоправданно смелых обобщений и намерено воздерживаясь от попыток сформулировать универсальную программу анализа виртуальных социальных сетей как инструмента нагнетания политического протеста, мы, тем не менее, хотели бы привлечь внимание научно-

го сообщества к пока неразрешенным методологическим вопросам, существование которых, на наш взгляд, и затрудняет адекватный анализ соответствующей предметной области.

Во-первых, пока не сложилось относительно устойчивого понимания сущности виртуальных социальных сетей как некой особой социальной реальности. Проблема во многом возникает потому, что исходный термин «социальная сеть», применяющийся для описания соответствующей предметной области, был введен в научный оборот науки еще в 1950-е гг., когда в мире не было коммуникации, опосредованной Интернетом и мобильными телефонами. Технологическое развитие человечества за прошедшие с тех пор десятилетия породило множество новых форм осуществления коммуникации, помогающих людям выстраивать вокруг себя уже не только реальные, но и виртуальные структуры социальных контактов.

Во-вторых, нет точного представления о характере влияния коммуникации в виртуальных социальных сетях на протестные настроения пользователей: являются ли такие сети лишь техническим инструментом общения людей, уже имеющих протестный настрой, или же тиражируемый в них контент способен манипулятивно конструировать соответствующие взгляды у изначально равнодушных или нейтральных по своим убеждениям пользователей.

В-третьих, не сложилось однозначного понимания механизма влияния коммуникации в виртуальных социальных сетях на протестное поведение граждан: являются ли такие сети сами по себе пространством вербализации и консервации политического протеста или же коммуникация в них способна побуждать пользователей к совершению протестных действий, осуществляемых в том числе и за пределами самих сетей.

В целом, на наш взгляд, проблематика виртуальных социальных сетей и их влияния на проявления политического протеста нуждается в

более систематическом и последовательном научном осмыслении. Несмотря на то, что многие ученые уже обратились к соответствующим вопросам и регулярно подчеркивают в своих рассуждениях некую «особость» коммуникации в виртуальных социальных сетях, сама суть этого феномена нуждается в более подробном анализе. Основная проблема понимания современной виртуальных социальных сетей, на наш взгляд, связана с тем, что до конца не ясны степень и сущность их взаимосвязи с традиционными разновидностями социальности - например, с теми же социальными сетями, возникающими на базе непосредственной коммуникации индивидов за пределами сети Интернет. Тем не менее, несмотря на сложность и остроту поднимаемых вопросов, они явно далеки от разрешения и нуждаются в скрупулезном и тщательном анализе. Поэтому в данной работе мы бы хотели воздержаться от окончательных выводов и в большей степени стремимся обозначить проблемное поле своей дальнейшей работы и пригласить коллег к дискуссии.

Список использованных источников

1. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 18.05.2016).
2. Бард А., Зодеркист Я. Netokratia. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Изд-во Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
4. Латур Б. Сети, общества, сферы: Размышления одного из создателей актрно-сетевой теории // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества. Сборник научных трудов. М., 2013. С. 70-75.

5. Sproull L., Kiesler S. Connections : new ways of working in the networked organization. MIT Press, 2001.
6. Dodge M., Zook M. Internet measurement // International encyclopedia of human geography / ed. by R. Kitchin, N. Thrift. Oxford: Elsevier, 2009. P. 569-579.
7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ГРАНД: Фаир пресс, 2006. 416 с.
8. Дужникова А.С. Социальные сети: современные тенденции использования // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 238-251.
9. Штейнберг И.Е. «Живые» и виртуальные сети социальной поддержки: анализ сходств и различий // Социологический журнал. 2009. № 4. С. 85-103.
10. Ушкин С.Г. Протестные сообщества в социальных сетях: три года наблюдений // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 6 (124). С. 112-118.
11. Родин К.С. Опыт прогнозирования результатов выборов на основе анализа социальных сетей // Тезисы доклада на IV Всероссийской социологической конференции «Продолжая Грушина» (27-28 марта 2014 г., Москва) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s1/Rodin.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).